

УДК 39(571.54/.55)(091)

Состояние охраны здоровья в старообрядческих поселениях Забайкалья конца XIX – первой трети XX в.

В. А. Шаламов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. В статье содержатся малоизвестные факты, которые дают представление об отношении старообрядцев Забайкалья к проблемам охраны здоровья. Автор приходит к выводу, что первоначальная позиция неприятия медицинской помощи от медработников с европейским образованием уже в начале XX в. постепенно смягчается. Масштабное увеличение числа медико-профилактических учреждений одновременно с антирелигиозной работой большевиков окончательно изменяют взгляды старообрядцев на современную медицину.

Ключевые слова: история здравоохранения Восточной Сибири, здравоохранение Забайкалья, медицина у старообрядцев, быт и культура старообрядцев.

Старообрядцы (староверы, семейские) – это русские крестьяне, высланные в годы правления Екатерины II и ее преемников за религиозные убеждения в отдаленные регионы Российской империи, в том числе и в Забайкалье. Именно религиозные убеждения способствовали консервации у старообрядцев бытовых практик и обычаев допетровской Руси. Данное своеобразие не раз привлекало к себе внимание исследователей, и, казалось бы, тема раскрыта со всей полнотой. Однако, изучая организацию здравоохранения Восточной Сибири, автор статьи обнаружил ряд неизвестных или малоизвестных свидетельств о жизни этой категории населения Забайкалья, следствием чего стала данная работа.

Во многих изданиях этнографического типа неизменно утверждается, что семейские жили чище (опрятнее) русского крестьянского, а тем более инородческого населения Забайкалья. Отмечаются их более просторные избы, использование масляных красок для окрашивания жилых помещений и фанатичная чистоплотность [5, с. 12]. Да, многочисленные источники подтверждают, что в местах компактного проживания старообрядцев их жилища отличались чистотой. Казалось бы, это должно было работать как хорошая санитарная мера. Однако на деле оказывалось, что жилые избы, в которых с таким трудом поддерживалась идеальная чистота, располагались в антисанитарном окружении. Известный забайкальский врач А. К. Белявский вспоминал, что ему «...приходилось видеть в селах семейских, как бабы к празднику мыли и скоблили бревна домов снаружи и в то же время навозом были покрыты улицы и стоки, так что после дождей по канавам бежала густая темно-коричневая навозная жижа» [2, с. 285]. Профессор Иркутского университета А. М. Селищев, исследовавший во главе этнографической экспедиции летом 1919 г. старообрядческие поселения Забай-

каля, также отмечал чистоту их жилых строений и негигиеничное окружение. Например, в Мухоршибири и Нижнем Загане наблюдалась сильная заболоченность местности, а в Тарбагатае, наоборот, население задыхалось от песчаной пыли [12, с. 2–3]. К этому стоит добавить, что до середины 1930-х гг. забайкальская деревня практически не знала таких удобств, как туалет и выгребная яма. Итогом всего перечисленного становилось то, что в ходе хозяйственной деятельности нечистоты проникали в чистые помещения, способствуя высокой заболеваемости населения.

Религиозные убеждения служили основой мировоззрения старообрядцев. Они довольно остро воспринимали вторжение внешнего мира в их среду. Любые новшества обсуждались сообща на соборах и съездах представителей общин, поэтому практически во всех селениях реакция на новшества была одинаковой [6, с. 71]. К таким новшествам с конца XIX в. относилось и оказание медицинской помощи. Профессор А. М. Селищев приводит цитату из одного рукописного сборника, ходившего в Забайкалье: «О врачах. Лучше есть в нездравии пребывать, нежели ради применения немощи в несчастья впасти. Аще бо и уврачует бес, болми повреди, нежели пользова» [12, с. 14]. Отсюда следует, что не стоит ослаблять бдительность, так как бес в облике врача хотя и ослабит муки больного, но одновременно и навлечет на него большой грех. На этом принципе у старообрядцев и строилось отрицание медицины.

С конца XIX в. в регионе постепенно выстраивается и увеличивается сеть сельских медико-профилактических учреждений. Однако значительная часть семейских поселений располагалась в отдаленных местностях, поэтому, как правило, резиденции врачей и фельдшеров строились в некотором отдалении. Отсюда отсутствие нормальной стационарной помощи. К этому присоединяются религиозные взгляды против медицины, поддерживавшиеся полуграмотными уставщиками (лица, заменяющие духовенство у старообрядцев). Выборные старосты скрывали случаи заболеваний, не оповещая о них врачебно-санитарную службу, вследствие чего семейские поселения становились очагами эпидемий, разнося по округе заразные заболевания.

В редких случаях в крупных селениях образовывался врачебный или фельдшерский пункт с аптекой и приемным покоем на 5–10 мест. Однако общество саботировало всю работу медперсонала, создавая невыносимые условия работы. Если к медработнику и обращались, то только амбулаторно – спрашивали совет, соглашались на перевязки и требовали лекарств. Производить операции, делать инъекции, ставить прививки, часто осматривать больного, ночевать в стационаре и тем более принимать там пищу отказывались наотрез. Участковый врач Верхнеудинского уезда В. И. Станкевич писал в 1916 г., что к нему в приемный покой обращались с ужасными запущенными гангренозными ранами, глазными заболеваниями после натуральной оспы и другими осложнениями, которые при своевременном обращении было бы легко устранить, но религиозные убеждения обращавшихся были выше здравого рассудка [1, л. 9-9 об.].

Уставщики часто на общих сходах требовали от медработников покинуть их селение. В основном мотивировали тем, что врачи являются «слугами Ан-

тихриста», а если человек болен, то легко идет на соблазн спасения, тем самым губит свою душу. Если же нет врача, то и соблазна нет. Такая, так сказать, превентивная мера борьбы за спасение душ. В подобной ситуации оказался известный забайкальский врач Н. В. Кирилов, изгнанный в конце XIX в. из Бичуры [10, с. 29]. Даже в годы советской власти старообрядцы выживали медработников, мешали их работе. Так, В. А. Коханский, в будущем заслуженный врач РСФСР, вспоминал о недоброжелательном, а порой даже враждебном отношении семейских к медработникам [4, с. 7].

Самое любопытное, что старообрядцы были непоследовательны в своих действиях. Они не принимали европейской научной медицины, при этом во многих селениях существовали знахари, костоправы, повитухи. Кроме того, нередко старообрядцы готовы были обратиться и к буддийскому ламе за лечением и лекарствами [2, л. 19 об.].

Использование прививок вызывало самую бурную реакцию старообрядцев. Прививку нередко называли «печатью Антихриста», «дьявольским знаком» и т. п. Старообрядцы обычно говорили, что «по их религии оспопрививание считается противным Богу». Если же ребенку прививалась оспа, то дома взрослые старались полностью высосать у него из насечек на коже весь прививочный материал через соломинку. Следствием подобного положения дел становилась высокая заболеваемость, особенно детей. Так, например, в с. Новобрянске эпидемия оспы длилась с июня 1914 г. до сентября 1915 г., в селениях Нижне-Загайском и Шарандайском – в 1906, 1913 и 1916 гг. [7, с. 20]. Об эпидемиях население старалось умалчивать. Так, в с. Окино-Ключевском накануне Первой мировой войны возникла эпидемия брюшного тифа, о которой становится известно случайно. Переболело за год около тысячи человек. На место выехал фельдшер, а затем врач. Однако на сходе 330 домохозяев заявили, что в их селении брюшного тифа и других заболеваний нет, всякое врачевание и лечение «считается за грех», а потому постановили медработников в селение не впускать и просить начальство вообще «не притеснять их медицинской помощью...» [9, с. 377].

Встречаются и совершенно оригинальные практики, свидетельствующие о поиске методов защиты от эпидемий, опаснейшей из которых была оспа. Врач А. К. Белявский описал случай, который считал неединичным. «...При случайном проезде остановились в с. Тапке. Хозяйка земской квартиры попросила... посмотреть больную внучку. В громадной комнате, блиставшей чистотой и порядком, на деревянной кровати лежала девочка лет пяти с яркой оспенной высыпью, а вокруг на лавках сидело 5-6 женщин с детьми на руках. Когда я объявил диагноз и посоветовал изоляцию непривитых детей, то хозяйка заметила, что эти соседки нарочно принесли своих детей, чтобы те заболели теперь (дело было в марте), когда матери свободны и могут поухаживать за больными детьми, а не в страдную пору, когда им будет не до того...» [9, с. 378]. Врач Младов, во главе экспедиции посетивший долину Красного Чикоя в 1921 г., отметил подобные же факты, хотя и не понял, почему в зараженных избах, несмотря на строгие запреты, всегда было много случайных женщин с детьми [2, л. 21].

По сути, женщины сознательно заражали своих детей в удобное для них время, чтобы избежать затруднений в период авральных работ.

Поскольку селения старообрядцев не составляли особых административных единиц и семейские жили среди обычных православных крестьян и иноплеменников, к тому же часто отлучались в поисках работы или по делам торговым, то неудивительно, что со временем отношение к медицине стало меняться. Многие мужчины обращались за медпомощью во время поездки в город или поселение, где имелся врачебный или фельдшерский пункт. Они отказывались ложиться в больницу, просили выписывать лекарства, которые можно принимать, не вызывая подозрения окружающих, требовали ставить прививки в укромные места, например под колено или подмышечную впадину.

Летом 1916 г. было запрошено мнение медработников, служащих в местностях с компактным проживанием старообрядцев, о возможности влияния на них. Ответы прислали доктора В. Л. Надаховский, В. И. Станкевич и фельдшер В. Г. Каюков. Они отмечали, что происходит медленное преломление сознания. Женщины после смерти нескольких детей тайком от земляков и родственников приносят заболевших ребятишек к врачу на прием. Вернувшиеся с фронтов Первой мировой войны мужчины просвещают своих односельчан о силе медицины во время военных действий [7, с. 21–22]. Резюмируя, медработники в своих записках рекомендуют введение всеобщей грамотности, открытие школ, просвещение с лекциями, а также привлечение опытных врачей и акушерок. Самое главное, о чем предупреждали они, – ни в коем случае не касаться религиозных убеждений старообрядцев, действуя просветительскими мерами.

Схожие факты приводит А. М. Селищев, который сразу же уловил новые нотки в поведении семейских. «...Во время моей поездки было много больных тифом. В Тарбагатае имеется больница. И надо заметить, что вопреки ругани и анафемствованию уставщиков больными старообрядцами она посещается. Тайком прививают и оспе. Для избежания греха записи в больничную книгу некоторые записываются не под своей фамилией. В этом селе я жил у старика, внук которого болел тифом. Старичок-врач посещал больного. Пасмурно принимал его хозяин. Каждый раз, когда уйдет доктор, я молю Бога простить меня за мое прегрешение, за то, что я дерзнул усомниться в его всемогуществе» [12, с. 14]. Таким образом, можно утверждать, что в среде старообрядцев происходит расслоение взглядов, и часть их, наиболее прогрессивно мыслящая, готова была отойти от жесткого отношения к медицине и работникам здравоохранения.

События 1920-х гг. еще более повлияли на религиозные убеждения старообрядцев. Советские органы здравоохранения получили больше возможностей для воздействия на население, например введение штрафов за нарушение карантина или санитарных норм. Коллективизация открыла новые возможности для властей. Со второй половины 1930-х гг. началось активное наступление на традиционный быт. Этому способствовало: введение всеобщего начального образования, служба мужчин в Красной армии, появление партийных и комсомольских ячеек с их атеистической пропагандой, расширение сети медицинских учреждений, рост культурных сил села за счет распределения из других регионов.

Не все устраивалось сразу и гладко. Об этом, в частности, свидетельствует доклад наркомздрава Бурят-Монгольской АССР А. О. Назарова «О состоянии дела борьбы с эпидемиями за 1933 г.», в котором отмечается, что старообрядческие поселения, где наблюдалась культурная отсталость и слабость противоэпидемического вооружения, относились к неблагополучным по сыпному тифу. Вспыхнувшая в 1932 г. в Улан-Удэ и Мухоршибири эпидемия оспы из-за отсутствия прививок от оспы мгновенно охватила все семейские селения Кяхтинского района. Только в январе 1933 г. из 474 случаев заболеваний оспой 400 относились к старообрядцам. Благодаря принятым мерам прививками удалось охватить 76,6 % населения республики, но А. О. Назаров делает осторожные выводы, поскольку по отчетам врачей знал, что часть старообрядцев ускользнула от оспопрививания [3, л. 17–18].

Тем не менее целенаправленное наступление на мир старообрядцев приносило результаты. Выступая на I Восточно-Сибирском краевом съезде ударников культуры, глава регионального отделения ВКП(б) М. О. Разумов, в частности, указывал на образцовую работу Красночиконой районной больницы и переобустройство крупного села Куналей, где были отстроены дом социалистической культуры, гостиница, универмаг, шесть километров тротуаров [11, с. 62]. Все это привело к тому, что оказание медицинской помощи в бывших старообрядческих поселениях перестало вызывать конфликты.

К концу 1930-х гг. семейские поселения по уровню заболеваемости перестали резко выделяться. Работа органов здравоохранения в основном стала идти штатным порядком. Лишь старое поколение еще недоверчиво смотрело на нововведения, а молодежь быстро осваивала преимущества европейской научной медицины. Некоторый разрыв чувствовался также в случае сильной удаленности и малочисленности конкретных населенных пунктов. Например, население пограничья, живущее вдоль р. Красный Чикой, сохраняло традиционный уклад жизни вплоть до 1960-х гг. – времени, когда в регионе резко возросла численность медицинских пунктов.

Список литературы

1. ГАЗК. Ф. 1-вр. Оп. 2. Д. 1134.
2. ГАЗК. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 3.
3. ГАРБ. Ф. р-665. Оп. 1. Д. 72.
4. Жизнь во имя жизни: В. А. Коханский, заслуженный врач РСФСР (1904–1983) / ред. Р. И. Цуприк. – Чита : Экспресс-изд-во, 2004. – 24 с.
5. *Константинов А. В.* Забайкалье: Ступени истории (с древнейших времен до 1917 г.) / А. В. Константинов, Н. Н. Константинова. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2007. – 192 с.
6. *Костров А. В.* Старообрядчество и старообрядческая историческая мысль во второй половине XIX – начале XX вв. / А. В. Костров. – Иркутск : Отгиск, 2006. – 160 с.
7. Медико-ветеринарная хроника Забайкальской области. – 1916. – № 9-10.
8. Медицинский журнал Забайкальского общества врачей. – 1923. – № 4.
9. Медицинский журнал Забайкальского общества врачей. – 1923. – № 5.
10. *Петряев Е. Д.* Н. В. Кирилов – исследователь Забайкалья и Дальнего Востока / Е. Д. Петряев. – Чита : Чит. кн. изд-во, 1960. – 266 с.

11. *Разумов М. О.* Хозяйственный подъем и культурное строительство Восточной Сибири / М. О. Разумов. – Иркутск : Вост.-Сиб. краев. отд-е ОГИЗ, 1935. – 143 с.

12. *Селищев А. М.* Забайкальские старообрядцы. Семейские / А. М. Селищев. – Иркутск : ИГУ, 1920. – 81 с.

State of Health Protection in Old Believers' Settlements in Transbaikalia in the Late XIX – Early XX Centuries

V. A. Shalamov

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article presents little known facts that give an idea of the attitude of Old Believers of Transbaikalia to the problem of health care. The author comes to the conclusion that the initial position of rejection of medical care from the medical staff with the European education in the early twentieth century gradually softened. A significant increase in the number of medical and preventative institutions alongside with the anti-religious work of the Bolsheviks ultimately changed the Old Believer point of view on modern medicine.

Keywords: history of medicine in Eastern Siberia, health protection in Transbaikalia, Old Believers' medicine, Old Believers' way of life and culture.

Шаламов Владимир Александрович

*кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории России, исторический
факультет*

Иркутский государственный университет

664033, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1

тел.: 8(3952)240522

e-mail: Wladimir13x@ya.ru

Shalamov Vladimir Aleksandrovich

*Candidate of Sciences (History), Associate
Professor, Department of History of Russia,
Faculty of History*

Irkutsk State University

1, K. Marx st., Irkutsk, 664003

tel.: 8(3952)240522

e-mail: Wladimir13x@ya.ru